

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 28

Elif Batuman

The Idiot: A Novel

*Печатается с разрешения автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.*

Батуман, Элиф.

Б 28 Идиот / Э. Батуман; пер. с англ. Глеба Григорьева. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Литературное путешествие).

978-5-17-112416-8

Американка Селин поступает в Гарвард. Ее жизнь круто меняется — и все вокруг требует от нее повзрослеть. Селин робко нащупывает дорогу в незнакомое. Ее ждут новые дисциплины, высокомерные преподаватели, пугающе умные студенты — и бесчисленное множество смыслов, которые она искренне не понимает, словно простодушный герой Достоевского. Главным испытанием для Селин становится любовь — нелепая любовь к таинственному венгру Ивану...

Элиф Батуман — славист, специалист по русской литературе. Роман «Идиот» основан на реальных событиях: в нем описывается неповторимый юношеский опыт писательницы. Высоко оцененный критиками, роман был назван лучшей книгой месяца по версии *New York Times Book Review*. В 2018 году «Идиот» вошел в список финалистов Пулитцеровской премии.

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

978-5-17-112416-8

© 2010, Elif Batuman

© Григорьев Г., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Содержание

Часть первая.....	5
<i>Осень</i>	5
<i>Весна</i>	99
Часть вторая.....	223
<i>Июнь</i>	223
<i>Июль</i>	308
<i>Август</i>	392

Но в моем тогдашнем сумасбродном возрасте — возрасте совсем не бесплодном, напротив: плодотворном — обыкновенно не обращаются с вопросами к рассудку, а самые незначительные свойства принимают за неотъемлемую часть человеческой личности. Окруженные чудищами и богами, мы не знаем покоя. Нет почти такого поступка, совершённого нами тогда, который нам впоследствии не захотелось бы перечеркнуть. Вот о чем нам нужно было бы пожалеть, так это о бездумности, с какою мы тогда действовали. Потом мы смотрели на вещи с более практической точки зрения, совершенно так же, как смотрит всё общество, но зато юность — это единственная пора, когда человек чему-нибудь да научается.

Марсель Пруст.

«В поисках утраченного времени».
Книга II. «Под сенью девушек в цвету»*

---

* Перевод Н. Любимова. Здесь и далее — примечания переводчика.

Часть первая

Осень

До колледжа я понятия не имела об «электронной почте». Но я о ней слышала и знала, что у меня будет некий «свой» имэйл.

— Ты станешь такой модной, — говорила одна из моих теток, она была замужем за компьютерщиком, — будешь слать и-мэйлы, — она акцентировала «и» и делала паузу перед «мэйлы».

Тем летом я слышала об электронной почте всё чаще.

— Мир меняется с такой скоростью! — как-то сказал отец. — Сегодня на работе я бродил по Сети. Вот я в музее Метрополитен, а через секунду — уже в Аныткабире.

Мавзолей Ататюрка Аныткабир — это в Анкаре. Я не представляла, о чем говорит отец, но заявление, что он в тот день побывал «в Анкаре», иметь смысла никак не могло, и я пропустила его слова мимо ушей.

В первый день учебы я отстояла очередь к складному столику и в итоге получила электронный адрес с временным паролем. Этот «адрес» состоял из моей фамилии Karadağ, начинался с маленькой буквы и без турецкой ğ, которая не читается. С раннего детства я понял, что немая g — забавная штука. «Конечная g не читается», — повторяла я усталым голосом: доходило уже до смешного. Мне было неясно, что такого «адресного» в электронном адресе и что это вообще за сокращение — «email».

— А с этим что делать — повеситься? — спросила я, беря в руки сетевой кабель

— Просто воткните в стенку, — ответила девушка за столиком.

Поскольку об этом всё у меня не было ни малейшего представления, электронная почта мне виделась чем-то вроде факса, но с участием принтера. Никаких принтеров, однако, не потребовалось. Совсем иной мир. Доступ в него давали лишь некоторые компьютеры, рассеянные внутри обычного ландшафта и с виду ничем не отличающиеся от прочих. И неизменно, в невидимой постороннему глазу конфигурации, там всегда присутствует светящийся список сообщений от знакомых и незнакомых людей — посланий, написанных одним шрифтом, словно универсальный почерк разума или всего мира. Какие-то сообщения соблюдают эпистолярные формальности — «Уважаемая», «Искренне Ваш», — а другие напоминают телеграммы: лишь строчные буквы и никакой пунктуации, словно проецируются прямо из мозга. И в каждом сообщении содержится предыдущее: твои собственные слова возвращаются к тебе — ты их бросил, а они вернулись. Слово история твоих отношений — история пересечения твоей жизни с жизнью других людей — постоянно записывается и обновляется, и ее можно просмотреть в любое время.

* * *

До начала учебы потребовалось выстоять массу очередей и собрать кучу раздаточного материала — в основном, инструкций: как реагировать на сексуальные домогательства, что делать при желудочных расстройствах, как подать заявку на студенческую ссуду. Нам показали ролик о выпускнике колледжа, он сломал ногу и просрочил выплату ссуды, — иными словами, неудачно спланировал бюджет: в правильном бюджете серьезные увечья предусмотрены. Щедрость банка не знала границ — по крайней мере, в части очередей и раздаточных материалов. Мне даже дали бесплатный словарь. В нем не оказалось ни статьи «Ратауй», ни статьи «Тасманийский дьявол».

На лестнице, ведущей к новому жилью, я услышала немзыкальное пение и шлепанье пластиковых тапок. Моя соседка Ханна стояла на стуле и прикрепляла над своим столом табличку «Стол Ханны Парк», монотонно подпевая песне группы Blues Traveler в плеере. Когда я вошла, она

обернулась, изобразив пантомиму удивления и покачиваясь из стороны в сторону, потом шумно спрыгнула на пол и сняла наушники.

— Ты не думала о карьере мима? — спросила я.

— *Мима?* Нет, дорогая, боюсь, родители отправили меня в Гарвард учиться на хирурга, а не на мима. — Она громко высморкалась. — О! А мой банк не дал никаких словарей!

— В нем нет тасманийского дьявола, — заметила я.

Она взяла словарь и пролистала его. — Здесь много слов.

Я сказала, что она может оставить словарь себе. Ханна поставила его на полку рядом со словарем, который ей подарили в школе как лучшей выпускнице. — Вместе они неплохо смотрятся, — произнесла она.

Я спросила, есть ли в ее словаре тасманийский дьявол. Его и там не оказалось.

— Разве тасманийский дьявол — не персонаж из мультика? — Она недоверчиво на меня посмотрела. Я показала страницу своего старого словаря, где был не только тасманийский дьявол, но и тасманийский волк — на картинке он немного грустно смотрел через левое плечо.

Ханна подошла вплотную и взглянула на страницу. Потом огляделась по сторонам и с жаром прошептала мне в ухо: — Эта музыка играет уже целый день.

— Какая музыка?

— Т-с-с... Не шевелись.

Мы стояли, не шевелясь. Из-под двери нашей третьей соседки Анжелы тихо плыли романтические струнные.

— Саундтрек к «Легендам осени», — прошептала Ханна. — Она крутит его всё утро, с тех пор, как я встала. Она просто сидит там за закрытыми дверьми и постоянно крутит эту запись. Я постучала и попросила убавить звук, но всё равно слышно. Чтобы заглушить, мне пришлось включить плеер.

— Вроде не очень громко, — сказала я.

— Просто как-то дико, что она там вот так сидит.

В наш блок на трех человек Анжела въехала вчера в семь утра и заняла одноместную спальню, оставив нам

с Ханной спальню с двухъярусной кроватью. Приехав вечером, я застала яростно орудующую там Ханну, она двигала мебель, чихала и отпускала громкие реплики про Анжелу.

— Я ее даже ни разу не видела! — прокричала Ханна из-под стола. Две странные штуковины, которые она тянула в разные стороны, вдруг рассоединились, и Ханна ударилась головой. — УУУ! — завопила она. Потом выползла наружу и в гневе указала на Анжелин стол. — Видишь книги? Они фальшивые! — Она схватила предмет, с виду похожий на стопку из четырех книг в кожаном переплете с надписью «Библия» на одном из корешков, потрясла им у меня перед носом и с шумом швырнула на место. Предмет оказался деревянной коробкой. — Что хоть там внутри? — она постучала по Библии. — Ее последний завет?

— Ханна, пожалуйста, аккуратнее с чужой собственностью, — произнес мягкий голос, и тут я заметила двух сидящих на банкетке корейцев — очевидно, Ханнинных родителей.

Тут вошла Анжела. Милое выражение чернокожего лица, гарвардская ветровка и гарвардский рюкзак. Ханна тут же высказала всё, что думает по поводу одноместной комнаты.

— Ну да, — сказала Анжела. — Просто я приехала ужасно рано, и у меня столько чемоданов.

— Уж чемоданы-то я заметила, — Ханна распахнула дверь в Анжелину комнату. Единственное крошечное окошко было украшено куском желтой ткани и гирляндой матерчатых роз, а в темноте виднелись четыре или пять чемоданов величиной с человека.

Я предложила занимать эту комнату по очереди, треть года каждая, а Анжела пусть будет первой. Появилась мать Анжелы, волоча еще один чемодан. Она встала в дверях Анжелиной комнаты. Ее тело заполняло весь проем.

— Сойдет, — сказала она.

Отец Ханны встал и вынул фотоаппарат.

— Вот вы и соседи по общежитию! Вы надолго запомните вашу дружбу! — Он несколько раз снял Ханну и меня, а Анжелу снимать не стал.

* * *

Ханна купила холодильник в нашу общую комнату. Она сказала, что разрешит мне им пользоваться, если я тоже что-нибудь куплю — типа плаката. Я спросила, какие плакаты ей нравятся.

— Психоделические, — ответила она.

Я понятия не имела, что такое «психоделический плакат», и она показала свою психоделическую записную книжку. По флуоресцентной пестрой спирали шагали, исчезая в центре, лиловые ящерицы. — А если в магазине такого нет? — спросила я.

— Тогда фотку Альберта Эйнштейна, — ответила она решительно, словно эта альтернатива — первое, что должно прийти на ум любому.

— Альберта Эйнштейна?

— Да, какую-нибудь из тех черно-белых фоток. Ну, сама знаешь: Эйнштейн.

В книжной лавке кампуса выбор плакатов с Альбертом Эйнштейном оказался огромным. Эйнштейн у доски, Эйнштейн в машине, Эйнштейн с высунутым языком, Эйнштейн с трубкой. Я не вполне понимала, почему у нас на стене должен висеть Эйнштейн. Но не покупать же себе отдельный холодильник.

Плакат, который я выбрала, был абсолютно ничем не хуже и не лучше остальных Эйнштейнов: но Ханне, похоже, он не понравился.

— Хм-м! — сказала она. — Думаю, он будет хорошо смотреться там, — она указала на стенку над моей книжной полкой.

— Но тогда он будет не виден тебе.

— Всё нормально. Там — лучше всего.

Теперь все, кому случалось заглядывать в нашу комнату — соседи с просьбой что-нибудь одолжить, местные компьютерщики, кандидаты в студсовет и прочие, у кого мои скромные увлечения, казалось бы, должны вызывать весьма ограниченный интерес, — принимались из кожи вон лезть, лишь бы избавить меня от пиетета перед Эйнштейном. Он изобрел атомную бомбу, мучил собак, наплевал на своих детей...

— Есть масса гениев куда более великих, — сказал мне один сосед по коридору, зашедший взять почитать «Двойника» Достоевского. — Альфред Нобель терпеть не мог математику и ни одному из математиков свою премию не присудил. А ведь было немало тех, кто действительно ее заслуживал.

— Ага. — Я протянула ему книжку. — Ладно, пока, увидимся.

— Спасибо, — сказал он, сверля взглядом плакат. — Этот человек избивал жену, заставлял ее решать для него математические задачи, выполнять всю грязную работу, а потом отказался упомянуть в соавторах. И ты вешаешь его фото на стенку.

— Слушай, избавь меня от этих разговоров, — ответила я. — Это вообще не мой плакат. Долго объяснять.

Но он не слушал.

— В этой стране Эйнштейн — синоним гения, в то время как многие более гениальные люди никому не известны. Почему? Скажи мне.

Я вздохнула.

— Может, это потому, что он и есть лучший и даже ревнивым злопыхателям не удастся умалить его звездный статус, — ответила я. — Ницше бы сказал, что гений такой величины *вправе* поколачивать жену.

Это его заткнуло. Когда он ушел, я подумала снять плакат. Мне хотелось слыть смельчаком, которого не могут поколебать чужие недалекие суждения. Но какое именно из суждений следовало считать недалеким — то, что Эйнштейн самый великий, или то, что он хуже всех? В итоге плакат остался на стенке.

* * *

Ханна храпела. Всякий предмет в комнате, если он не являл собой цельный кусок дерева — оконные стекла, кроватные ножки, матрасные пружины, моя грудная клетка, — вибрировал за компанию. Будить или переворачивать ее было бесполезно. Через минуту всё начиналось снова. Когда она спала, я, по определению, бодрствовала — и наоборот.

Я убедила Ханну, что у нее — синдром обструктивного апноэ сна, который лишает кислорода мозговые клетки,

ставя под угрозу ее шансы попасть в приличную медшколу. Она отправилась в медцентр кампуса и вернулась с коробкой пластырных полосок, которые, по идее, предотвращают храп, если налепить их на нос. На коробке была фотография мужчины и женщины, они вглядываются вдаль, на носу у них — гармонирующие друг с другом полоски, а волосы женщины волнует бриз.

Ханна подняла нос, наклонив голову вбок, и я большими пальцами приладила полоски на нужное место. Ее личико было таким маленьким и кукольным, что я ощутила волну нежности. Потом она стала по какому-то поводу орать, и волна схлынула. Полоски и в самом деле помогли, но из-за них у Ханны начались синусовые головные боли, и она перестала ими пользоваться.

* * *

Долгими днями, которые тянулись между еще более долгими ночами, я шаталась из кабинета в кабинет, проходя квалификационные тесты. В комнате цокольного этажа мне пришлось писать сочинение о том, что лучше — быть человеком Возрождения или узким специалистом. Тест на математическое мышление состоял из кучи тоскливых задачек («На графике изображено гипотетическое изменение массы бройлерного цыпленка до возраста восьмидесяти недель»), а каждый день завершался большим собранием, где ты сидишь на полу и тебе рассказывают, что теперь ты — маленькая рыбка в большом море, и данное обстоятельство — не повод для тревоги, а ободряющий вызов. Я старалась не придавать слишком большого значения всей этой ерунде с рыбой, но она всё равно вскоре стала меня удручать. Трудно сохранять бодрость, когда тебе непрерывно твердят, что ты — маленькая рыбка в большом море.

* * *

Кэрол, мой консультант по учебной программе, говорила с британским акцентом и работала в Управлении информационных технологий. Двадцать лет назад, в семидесятые, она получила в Гарварде степень магистра по древнескандинавским языкам. Я знала, что Управление информаци-

онных технологий — это место, куда нужно ежемесячно отсылать свои телефонные счета. В остальном же его деятельность оставалась тайной. При чем тут древнескандинавские языки? «У меня самые разные обязанности», — это всё, что сказала Кэрол о своей работе.

Мы с Ханной обе подцепили жуткую простуду. По очереди мы покупали микстуру и опрокидывали ее в себя из пластиковой чашечки, как из рюмки.

Когда настала пора выбирать темы для занятий, все вокруг говорили, что самое важное — подать заявку на установочные семинары, поскольку другой шанс поработать с профессорами по специальности может не представиться еще несколько лет. Я подала заявки на три семинара по литературе, и вот меня пригласили на собеседование. Я явилась на верхний этаж холодного белого здания, где двадцать минут зябла на кожаном диване под световым люком, сомневаясь, что пришла туда, куда нужно. На кофейном столике лежали какие-то странные газеты. Именно тогда я впервые увидела литературное приложение к «Таймс», «Times Literary Supplement». Я ничего в нем не поняла.

Открылась дверь, и профессор пригласил меня войти. Он протянул мне руку — огромную ладонь на неимоверно тощем и бледном запястье, которое на фоне гигантского пальто выглядело совсем лилипутским.

— Мне, наверно, не следует жать вам руку, — сказала я. — У меня простуда.

И тут же неистово расчихалась. Профессор был ошарашен, но быстро пришел в себя.

— Будьте здоровы! — элегантно произнес он. — Сочувствую по поводу вашего недуга. Первые дни в колледже бывают суровым испытанием для иммунной системы.

— Да, я учусь им противостоять, — ответила я.

— Что ж, ради этого здесь всё и происходит, — сказал он. — Учение! Ха-ха!

— Ха-ха! — откликнулась я.

— Ладно, к делу. Судя по вашему заявлению, вы — весьма творческая личность. Мне понравилось поданное вами эссе. Единственное, что меня беспокоит: вы должны понять, что наш курс — не творческий, а академический.

— Хорошо, — ответила я, энергично кивая и пытаюсь определить, что там за прямоугольники на краю моего поля зрения, не упаковки ли бумажных носовых платков. Увы, это были книги. Профессор тем временем говорил о разнице между творческим и академическим письмом. Я продолжала кивать, думая о структурных сходствах книги и упаковки носовых платков: и книга, и упаковка платков — это листы белой бумаги в картонном контейнере; однако функционально — и в этом вся ирония — сходства между ними практически нет, особенно если книга чужая. Эти мысли относились к разряду вещей, о которых я думала постоянно, без особого восторга или пользы. Но о чем следует думать вместо этого — я понятия не имела.

— Как считаете, — продолжал тем временем профессор, — вы сможете два часа подряд читать один и тот же пассаж, одно и то же предложение или даже слово? Не покажется ли вам это утомительным, скучным?

Поскольку мою способность часами сидеть, вперившись в какое-нибудь слово, еще никто никогда прежде не поощрял, я лишь сделала вид, что обдумываю ответ. — Нет, не покажется, — в итоге сказала я.

Профессор кивнул и, прищурившись, задумчиво нахмурился. Недоброе предчувствие подсказывало мне продолжить говорить.

— Мне нравятся слова, — стала объяснять я. — Они вовсе не кажутся мне скучными, — и пять раз чихнула.

Я не прошла. Второе и последнее собеседование, куда меня пригласили, касалось формы в неигровом кино: я подала заявку на этот семинар, поскольку моя мать, всегда мечтавшая стать актрисой, посещала в то время курсы сценаристов и хотела снять документальный фильм о жизни иностранных выпускников-медиков в Америке. Это должен был быть фильм о людях, которые не сдали экзамен комиссии и теперь водят такси или работают в мелких магазинах, а также о тех, кто, как моя мать, сдали все экзамены, но получили исследовательские должности в медицинских школах второго эшелона, где их постоянно теснят люди из Университета Джонса Хопкинса и Гарварда. Мать часто выражала надежду и веру, что я помогу ей снять этот фильм.

Кинопрофессор был простужен еще больше, чем я. Его простуда казалась подарком, как по волшебству. Мы встретились в одном из цокольных помещений, заполненном мерцающими голубыми экранами. Я рассказала ему о матери, и мы некоторое время вместе чихали. Это — единственный установочный курс, куда меня взяли.

Я отправилась в буфет студенческого центра за диетической коллой. Парень передо мной совершал покупку целую вечность. Сначала он хотел холодный чай, но его не оказалось.

— Лимонад есть? — спросил он.

— Есть в банках и в бутылках.

— А марка одна и та же?

— В бутылках «Снэплл», а в банках, э-э-э, «Кантри Тайм».

— Бутылку лимонада и слойку с яблоками.

— С яблоками нету. Есть с сыром или малиной.

— Ясно. А печеная картошка есть?

— Именно печеная?

Это был самый скучный на свете диалог, но я почему-то слушала, не отрываясь. Он продолжался, пока парень, наконец, не собрался уходить, расплатившись за лимонад «Снэплл» и маффин с черникой.

— Извините, что так долго, — сказал парень. Он был довольно симпатичный.

— Ничего, — ответила я.

Он улыбнулся и пошел было к выходу, но вдруг в нерешительности остановился.

— Селин?

— Ральф! — воскликнула я, узнав в нем того самого Ральфа.

С Ральфом мы познакомились прошлым летом на программе для старшеклассников, где ты пять недель живешь в нью-джерсийском домике, изучая североевропейское Возрождение. С ним нас свело то, что учительница по истории искусств на каждой лекции, независимо от темы, непременно упоминала дожа Венеции, которого называла просто «дож». Она могла рассказывать о повседневной жизни дельфтских бургеров, и всё равно там появлялся дож.

Похоже, никто, кроме нас двоих, этого не замечал или не находил смешным.

Сейчас, когда мы сидели за своими напитками и его плюшкой, наша беседа казалась мне несколько фантастической: я обнаружила, что совсем забыла, насколько хорошо мы успели познакомиться прошлым летом. Помню, меня восхищал его талант изображать других людей. Еще я поняла, что откуда-то знаю массу информации о его пяти тетках, а это больше, чем обычно знаешь о другом человеке, если вы с ним не близкие друзья. В то же время Ральф в моем сознании почему-то попал в категорию людей, с которыми мне никогда по-настоящему не подружиться: он был слишком привлекательным и искусно выстраивал отношения со взрослыми. Моя мать таких называла по-турецки «семейный мальчик»: аккуратный, учтивый, из тех, кто с готовностью наденет костюм или поддержит беседу с друзьями родителей. Матери Ральф пришлось очень даже по душе.

Мы с Ральфом обсудили наши собеседования на установочные семинары. У Ральфа собеседование проводил нобелевский лауреат по физике, он задал Ральфу единственный вопрос, а потом заставил вымыть какое-то лабораторное оборудование. Возможно, это был детектор гамма-излучения.

* * *

Я подала заявку на курс под названием «Строительство миров» на отделении студийного искусства. Наша первая встреча с преподавателем, приглашенным художником из Нью-Йорка, прошла в заставленный пустыми белыми столами студии, куда я принесла портфолио своих школьных работ. Приглашенный художник искоса взглянул мне в лицо.

— Всё-таки сколько вам лет? — спросил он.

— Восемнадцать.

— Господи! У нас же занятия не для первокурсников.

— Ясно. Я ухожу?

— Нет, не глупите. Давайте ваши работы, — он продолжал смотреть не на портфолио, а на меня. — Восемнадцать, —